

УДК 215

Фархитдинова Ольга Михайловна

канд. филос. наук, доцент кафедры
религиоведения Уральского федерального
университета им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: ofarhetdin@mail.ru

Farkhitdinova Olga Mikhailovna

Candidate of Philosophy,
Associate Professor at Religion Studies Chair,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ
И ОПИСАНИЯ «РЕЛИГИОЗНОСТИ»
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**THE «RELIGIOSITY» PERCEPTION
AND DESCRIPTION PROBLEM
IN THE MODERN WORLD**

Аннотация

В статье речь идет о возможности обосновать внеконфессиональную религиозность как достойную внимания со стороны научного сообщества, как тот показатель, который демонстрирует эволюцию религии.

Внеконфессиональная религиозность современного мира – уже состоявшийся факт. Как предмет изучения со стороны научного сообщества такая религиозность еще требует осознания. Эволюция религии, смена убеждений человека составляют этапы его жизненного пути.

Ключевые слова: религиозность; внеконфессиональная религиозность; эволюция религии; мировоззренческие альтернативы; феноменология религии; постгуманизм.

Abstract

The article attempts to justify non-confessional religiosity as an interesting study to scientific community, as a parameter of religion evolution. Religious identity of a man in the modern world has already been accomplished. But as a subject of scientific researches such religiosity still requires recognition. The evolution of religion, changing people's beliefs present the stages of human life.

Keywords: religiosity; religious identity; pluralism; religion evolution, conceptualization of 'the Another' notion; phenomenology of religion; Posthuman.

Религиозность современного человека в современном дискурсе получает следующее прочтение: «Современный европеец может *знать* о любых религиях, но *быть* религиозным, сделать религиозный выбор и стать на религиозный путь означает для живущего в европейской культуре, прежде всего, сделать выбор пути спасения» [13. С. 96]. Проявленное отношение, обозначенное в XXI веке как религиозность, характеризуя на функциональном уровне сознание и поведение, высвечивает, тем самым, свойства личности. Так, совершая молитву, обращенную к сфере трансцендентного, человек реализует один из видов религиозного опыта. Личностное бытие проявляется как актуальность религиозного сознания. М. Элиаде обратил внимание на религиозные феномены инакомыслия, ересей, эзотеризма, отличая их от религиозности и религии. Тогда сам замысел религиозности как отношения, высвечивающего сущность соотносимых явлений, по сути грандиозен.

Можем ли мы констатировать степень религиозности, имеет ли данное действие смысл?

Я намеренно предлагаю несколько сценариев религиозности современного мира: во-первых, характеризуя сознание и поведение человека, религиозность

выявляет содержательную составляющую ментальных процессов, тем самым редуцируя внутренний диалог до чувственного восприятия. Во-вторых, в современном мире протекают процессы, формирующие различие во взглядах на религию. Разные подходы рассматривают данное явление как следствие эволюционных изменений внутри верований, как следствие изменений самого человека. Индивидуальное как феномен в XX веке стало предметом изучения в научных концепциях и внимания со стороны обыденного сознания по причине трансформаций внутри верований, связанных с духовными исканиями человека. Одна из задач нашего исследования – сопоставление масштаба этих изменений. «Религией нельзя развлекаться... обостренный интерес к мистике, к магии, к волхвованию... – попытки подделать утраченную религию» [4. С. 37]. Критерии в определении понятия «религиозность» и область распространения его на феномены сознания определили спектр проблем. Противоположное мнение о религии высказал человек, ставший культовой персоной научных исследований всего XX века. Альберт Эйнштейн полагал, что «самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями... – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен» [14].

Традиционная религия и новые религиозные движения по силе воздействия на массовое и индивидуальное сознание сегодня выступают на равных. В этой связи в научном обиходе все чаще используется термин «внеконфессиональная религиозность» [8]. Хотя термин не совсем удачен, тем не менее он отражает тенденции появления новых религиозных течений, которые не укладываются в рамки традиционных религий и их конфессий.

Секулярная точка зрения на трансформации внутри религии и ее место в общественных взаимосвязях выявляет ряд положений о закономерной интеграции религиозных ценностей в обмирщенное социальное сознание. Тем самым восполняется утрата ценностных ориентиров. Важным условием этого процесса является многообразие мировоззренческих альтернатив, позволяющих современному человеку не столько убедительно следовать примеру предков, сколько выразиться на уровне индивидуального.

Демонстрируя уникальность каждого из нас, современная наука не отказывается от проектов универсализации. Так, например, темы индивидуального развития немислимы вне установления спектра оптимальных и радикальных состояний. Хорошим примером в этой области стало постулирование в начале XX века оппозиции «бессознательное/сознание». Уже в конце прошлого и в начале нынешнего столетия принципиальное значение было придано измененным состояниям сознания, тематизация которых происходит в парадигме: искусственное (медитация, молитва, духовные упражнения)/естественное (сон).

В современном мире, поливариантном по своему содержанию, создается масса условий для тематического и понятийного кризиса. Религия и наука, вера и знание, убеждение и интерес в обществе мировоззренческих альтернатив получают парадоксальное прочтение. Так, дискуссионное отношение к трансперсональной психологии не позволило должным образом рассматривать положения этого направления, меняющие взгляд на феномены психической жизни. Трансформационный кризис и духовные переживания сопровождают жизнь человека все более интенсивно. Выразительные средства современного человека становятся все более изысканными: от совместного творчества человека и компьютерных технологий до поиска собственных пределов.

Еще одна важная тенденция – изменение степени выразительности слова. Практика психологической помощи нашла своих сторонников в период успехов

науки – открытий в области нейрологии, хирургии; именно тогда и произошел отход от религии как единственной области, имеющей дело с человеческой душой.

Человеческая психика – динамичное образование. Вероятно, изменения в реакциях и способах восприятия мира человеком, его выражения на уровне переживаний предоставляют возможность фиксировать новые феномены психической жизни.

Характеризовать эпохальные достижения человечества можно по длине названий и формату обсуждаемых проблем. XXI век изобилует частями речи, а суждения, где сталкивается понятийный минимум когнитивного науковедения, становятся своего рода симптомом современных научных дискуссий. Для сравнения вспомним названия, которые занимали половину листа в трактатах, например, Лейбница или авторов схоластических произведений.

Современное название, будь то литературное произведение или научная монография, изобильно снабжено «тире» (на данный момент исключаем психологическое понимание в рамках характеристики психотипа и невроза) и отличается малословностью. Вопреки многословности, которая сопряжена с излишеством в выражении, малословность в русском языке удивительно схватывает смысл, заключенный в обозначаемом феномене.

Английский язык, в свою очередь, стал популярным для массового сознания по иной причине. Ситуация парадоксальная: чем проще способ активации «приемника» направленной информационной линии, тем мобильнее носитель данной языковой среды. Например, «Футурошок» – название однословное, так сказать понятийный нонсенс для иноязычных по отношению к данному слову носителей. Современному человеку некогда говорить и, что самое главное, читать. Отсюда краткие и емкие выражения в таких вариантах, как *Закат Европы*, *Постижение истории*, *Конец истории*, *В дебрях технологии*, *Геополитика*, *Геоэкономика*, *Манипуляция сознанием* и многие другие, находят своих «по-читателей». Сознательно воздвигнув некоторое противопоставление в языковых трансформациях и смысловых контекстах, вернемся к некоторым особенностям многословных терминов. В 60-х годах XX века вышли работы А. А. Реформатского по общей теории термина, где по меньшей мере из 19 существовавших ранее определений было дано наиболее приемлемое: термины – слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей [9]. Термины подлежат трансформации, когда изменяются основные установки в науке, появляются новые представления в обществе. Встал вопрос о создании целых терминосистем, когда значение термина сужается либо расширяется в зависимости от условий его коммуникативного распространения. Заимствования возможны из совершенно различных языков: древних и современных, искусственных и профетических. Например, «теория» является словом древнегреческой этимологии, в то время как знакомый всем «карандаш» – тюркского происхождения. «Смартфон» – от английского «умнейшая основа». «Модель» заимствована из латинского «*modulus*» – мера, образец; предел. В свою очередь, сегодня моделью является некий базовый термин, который обозначает центральное понятие данной терминосистемы. Это позволяет говорить о терминологической деривации, которая данное расщепление значений делает активным. Попробуем ответить на главный вопрос: какова архитектоника данных для предметной области, именуемой как религиозность?

Начнем с проблемы изучения сознания в современном мире, в отношении которой сильно изменились акценты. Например, в перспективе изучения соотношений языка и сознания наблюдается больше возможностей для получения вариантов решения поставленной проблемы, чем в ретроспекции фактов сознательного

отклика на воздействие окружающего мира. В целом это многомерная проблема, вариативность подходов к решению которой будет меняться с изменениями в научной парадигме эпохи и умонастроений цивилизации. Определим значимые для нас сегодня способы моделирования сознания. Один из важных параметров современного сознания – обнаружение сочетаемых эквивалентов. «Экви» – это приставка латинского происхождения; «валентность» – наличие возможности быть соотношенным с иным по природе и происхождению образованием. Представим модель в самом общем виде, так как сегодня данное действие воспринимается как массовым, так и профессиональным сознанием (в дискурсе, например, социальной философии) именно как действие. Любая область человеческой деятельности нуждается в дихотомии «внутреннее/внешнее», вариативность которой тем насыщеннее, чем интенсивнее способы обнаружения. Современный человек стремительно теряет способность самостоятельного означивания или возвращается к первоистокам, к традиции «идеального» термина. Приведем пример, где деривация термина может быть смоделирована следующим образом.

В журнале «Человек» в одной из статей присутствовала фраза, сместившая (далее парадокс) центр к периферии: «Едет телега по дороге, везет цистерну с молоком». Данный текст, кроме молока, наделен целым набором альтернатив: представлением о колесе как революционном шаге человечества к собственной демографической проблеме, представлением о емкости для перевозки иной по плотности и составу среды, представлением об экологическом виде транспорта. Вариации мемов и их репликация возможны во взаимовыгодных условиях: например, для размножения-распространения в поле культурной информации и идентификации. Телега, дорога, молоко, вероятно и Аннушка с разлитым маслом из Булгаковского романа, по данной концепции рядоположены. «Примерами мемов могут быть календарь, шахматы, импрессионизм, модель множественных набросков. По сути, мем – это информационная составляющая в физическом носителе, как и ген» [2. С. 132]. «Виртуальные образы объективного мира» – это реальность современного научного сообщества, от которой просто так не отречешься. Идея смены одномерной парадигмы исследования полидисциплинарной синтагмической (синтагма – этимологически восходит к греческому эквиваленту – наиболее удачный перевод – «вместе построенное»), пусть даже она и по-иному высвечивает концепцию познания и исследовательской деятельности, надолго укоренилась в массовом сознании, и это уже состоявшийся факт. Классическая концепция науки демонстрировала всеобщую уверенность в незыблемости повтора, возврата. Современное общество «становится все более безвозвратным», идейный потенциал не только затронул темы кризиса и изменений структуры, но и полностью изменил установки на обнаружение вектора следования, отношения, связи. Тогда и перспективы «молодежи как социальной группы надо оценивать с учетом грядущей безвозвратности» [7. С. 42]. В этом смысле идея трансгуманизма во всех альтернативах отказала человеку в человечности: трансчеловек – это некто, активно готовящийся стать постчеловеком. Впервые данный эффект описан пионером футуризма FM-2030 (Fereidou M. Esfandiary). Здесь важна именно готовность человека к столь радикальному пересмотру собственных альтернатив в мире. Внимание к биотехнологической революции в современном обществе, по сути, восполняет утрату человеческого как такового, невозможность возвращения к первоистокам, столь близким и понятным для сознания, готового понять и освоить модель «единого», модель «плюрального». Поэтому так много тем духовного кризиса, пересмотра постулатов общественного взаимодействия. Дэвис Эрик в работе «Техногнозис: миф, магия и гностицизм в информационную эпоху» обозначил момент гибридизации человеком собственного «я», именуя его временем ин-

формационной технологии. Природа последней сопряжена с человеческим чувством мира, которое формируется измененным восприятием.

Конечно, в обществе альтернатив есть более впечатляющие, например такая: «Величайшая ирония, величайший парадокс человеческой природы заключается в том, что, для того чтобы быть несчастным, замкнутым, нецелостным, нам приходится постоянно затрачивать гигантские неосознаваемые усилия. По сути дела, эти усилия и составляют жизнь и организацию того, что является человеческим бессознательным. Как только мы перестаем подпитывать свои травмы, настаивать на перцептивных структурах нашего опыта, мы восстанавливаем целостную коммуникативную ткань сознания и одновременно начинаем жить более расслаблено, спокойно и свободно» [3]. Спокойно видеть сущность феноменов сквозь их преломление в субъективном опыте видящего возможно путем их свободной кристаллизации в диагностическом суждении вне сковывающих рамок несовершенных медицинских классификаций (Аристотель). Искания и духовный рост человека сопровождаются трудностями. Множество трактатов, посвященных методам молитвы и созерцания, существуют в христианской традиции, например «Темная ночь души» св. Иоанна Креста. Евагрий Понтийский, автор книг «Практик», «Гностик», «Главы гностические», осужден на V Вселенском соборе как еретик, его сочинения сохранились только в сирийских переводах. В восточной традиции также существуют аналогичные описания. Идеиный замысел аристотелевского метода строится на представлении о девяти категориях, принципиальная взаимосвязь которых достигается единством организованных отношений, сквозь динамику. У Аристотеля в «Метафизике» находим: факт мира, поскольку он не есть чистая чуждость, а только является ее носителем, отличен от смысла и от мыслящего и создает то, что для мыслящего оказывается мыслимым. <...> Та организованность факта, когда в смысле его не содержится ничего фактически-материального, а только налична одна чуждость, иными словами, смысловое тождество чуждости и факта, и есть то, что называется красотой, или совершенством (Аристотель). Констатируем, что, исходя из данного понимания факта, возникает возможность принять в качестве первичной данности воспринятое человеком и именуемое им «собственным опытом».

Для нас же, современных людей, знакомых, например, с пи-феноменом, движение есть результат иллюзии нашего восприятия. При восприятии объекта, обозначенного разным цветом, у нас возникает эффект замещения отсутствующих звеньев; кстати, для человека это один из фундаментальных принципов познания, позволяющих относительно просто экстраполировать знание в область исследовательских альтернатив. Н. Гудман в философии, М. Вертгеймер в психологии зафиксировали этот феномен в 1912 г. «Пи-феномен – одно из парадоксальных психических явлений, суть которого сводится к своеобразной обработке зрительных стимулов» [2. С. 129]. Быстро сменяющиеся статические изображения человеческое зрение представляет как видимость движения. Информационная культура, единицей которой является мем, создала новый вариант перевода смысла иной культурной идентичности. Исходя из этого, проблема самоопределения человека в отношении его религиозных убеждений, суммы ценностей и традиции, в рамках которой он осуществляет свою деятельность и осознает свое полноценное существование, выступает как одна из центральных в мире XXI века.

Религиозная идентичность в качестве тематизации определенного пространства отношений демонстрирует весь спектр научных достижений в области антропологической, философской мысли. Механизмы возможного воздействия на человека верующего, существующего в определенной религиозной традиции, испове-

дующего символические отношения с пространством священного, становятся объектом пристального изучения.

Для предыдущего столетия проблема самопознания человека, выражения его мировоззренческих основ была редуцирована до проблемы идентичности в целом. С 1984 года (саммит в Фонтенбло) приоритетным направлением социально-политической деятельности стала работа по формированию у граждан чувства общеевропейской идентичности. Идентичность на протяжении истории человеческих отношений и государственного самоопределения рассматривается с учетом происходящих в обществе изменений. Вероятно, это один из моментов, позволяющих рассматривать изменение и обнаружение новых форматов видения человеком себя в эволюционном процессе. В монографии А. Н. Крылова «Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида» предложен ретроспективный анализ этой проблемы.

Религиозная идентичность как функционирующее в научных дискуссиях понятие имеет несколько аспектов. Можно обнаружить представленность религиозной идентичности в коллективном и индивидуальном сознании. Идентифицируя себя с конфессией либо обнаруживая диалогический характер многих современных духовных исканий, человек нашего столетия нуждается в создании своего рода карты местности, карты собственного пространства, где ориентироваться для него будет уместно, необходимо и обоснованно. Данный аспект был возведен во главу угла у постмодернистов, отказавших субъекту в наличии точек опоры, «защепок для бытия»; в меньшей степени это присутствует в феминистской теологии.

«Историческое путешествие» современного человека началось, когда возврат «к своим истокам» стал принципиально невозможен. С этого трогательного момента для каждого из нас в истории открылись перспективы обнаружить собственный вариант причастности к формуле бытия. Для различных эпох и наций это нашло выражение в категориях несовместимости жанра и способов описания человеческих страданий и переживаний в литературе, их видения в искусстве и архитектурных формах.

От стилистических тонкостей рассказчика зависит, поверит ли читатель в существование крохотных душ – примерно так размышлял Станислав Лем над проблемой веры человеческой, первичной и основательной для проявлений бытия. Другой – это путешественник в пространстве моего бытия. И это уже не лабиринты мысли, а ответственность человека определенной культуры перед своим миром и перед собой за то, чтобы сделать это пространство не лишенным смысла, а обогащенным именно такой матрицей, в которой имеется потенциал уникальности культуры.

Проблема идентичности в XXI веке демонстрирует резонанс устойчивых представлений человека о самом себе и возникающих новых альтернатив, данные представления разрушающих. Философское наследие о русском самосознании и мировоззренческих перспективах подводит нас к интересной идее: «зрелое национальное сознание есть также сознание всемирно-историческое» [1. С. 113].

Национальное самосознание и религиозная идентичность образуют сегодня альтернативное пространство для познания народом самого себя.

Духовность каждого зависит от его «основы», писал Конфуций. Как нас будут представлять другие поколения, во многом зависит от образа, вмещающего все возможные аспекты видения плодов той цивилизации, результатом которой являемся все мы.

Персонификация как средство выражения адаптивных способностей человека к неизведанному и непонятному имеет длительную историю. Закон *партиципации* (Леви-Брюль), управляющий ассоциациями в первобытном мышлении, позволяет не только продемонстрировать это, но и обнаружить, как в истории человеческой

мысли происходила смена альтернативных схем видения: светского и сакрального. Дань традиции состоит в том, что культовый и публичный языки, по сути, зафиксировали ситуацию схватывания вечности в архаическом сознании: культовый язык в отличие от публичного разделяет «общую судьбу» с объектом означивания, а для публичного языка – называния.

Идейный потенциал освоенности на любом уровне содержит в себе некий постулат, посредством которого выражена заинтересованность бытием. Революционным для человеческого рода было появление речи. Возникновение языка в этом смысле так же первично, как первично представление о Другом в истории культуры. Если же первичность подвергается сомнению, то Другой – это лишь рецессия тупиковых маршрутов на пути познания человеком самого себя.

Время революционных изменений и кризисных эпох вновь с очевидностью привлекает внимание. Человек в эпохальных характеристиках уже более чем привычно относится к такого рода изменениям и трансформациям, которые кардинально (как революция), либо постепенно (как эволюция), либо вопреки (деволюция) меняют образ современности, соответственно задают самому человеку иной аспект восприятия и рефлексии.

От архаики до современности выражение духовных исканий – это, по сути, потребность человеческого в человеке, что часто вступает в активное противоречие природному началу.

В современной России много явлений, связанных с активным духовным поиском: это молодежные субкультуры, общества, группы по развитию и совершенствованию внутреннего мира человека. И если удастся обнаружить варианты многого поиска духовности, ее искажения, то окажется, что они настолько же многочисленны, насколько многочисленны прямо противоположные тенденции.

Язык лаконичен в той мере, в какой многословие безропотно. Регресс стихии мысли до ясного и тонального выражения на языке в грамматической форме позволяет поспорить с представителями логического анализа языка, что рождение мысли, так же как рост и становление человека, заслуживает внимания, заслуживает времени, возврат которого невозможен, но освоенность бытия тем самым становится более очевидной в виде программ многочисленных направлений и школ в философии, которые порождены как раз неспособностью признать язык храмом Абсолюта. Направления – это установленные ограничения для явленности языка как такового, первого, родового, изначального. Каждое направление в конечном итоге возводит язык в инструмент (инструментализм) либо в средство общения и обобществления, лишая его возможности трансценденции. В остаточных формах эта возможность присутствует, например, в так называемых трансцендентных приставках в различных языковых группах, но теоретически – это подтверждение гипотезы о предотвращении в соприкосновении с тем, что человеческое сознание вынести не в состоянии. Родовой язык, с именами и категориями бесконечности, – молчание. Такие примеры встречаем при прочтении святых отцов при изложении опыта об отрешенности и молчании. Молчание в религиозной практике – это то, на что направлено все истинно родовое при поисках языка абсолютно причастия, причастности к трансцендентному. Поэтому ситуация смешения языков и Вавилонская башня как символическая идея есть харизматическое условие Абсолюта с целью сокращения пути к трансцендентному языку, родовому причастию в отношениях сказанности и одновременного полагания сущности для субъективного бытия. Языковой инструментализм и грамматику в этом аспекте можно рассматривать как возможность понимания харизматических постулатов.

Корень слова «ландшафт» можно перевести на русский язык как «стержень», «опора», следовательно, минимальное семантическое значение – стержень страны. Определяя ландшафт, мы обозначаем стержень страны. А разговор о ландшафте моделей позволяет выявить альтернативы страны.

Целенаправленное видение и созерцание нас Другим представляет собой процесс, положенный в основу создания образа путешествия. Путь, которым идет человек и которому следует человечество, – это Путь, создаваемый каждым конкретным поколением и личностью. Тогда возникает вопрос о мере проникновения в тайники человеческой души. Вопрос важный для века романтизма, так же как и для века технократии.

Тот, кто совершает постоянное путешествие, обладает особым статусом, особым положением вне времени и вне культурного пространства. С мировоззренческих позиций путешествующий – это наблюдающий, тот, который видит и спрашивает, тот, который представляет другую культуру, иную традицию и в то же время обнаруживает свое отличие от видимой, наблюдаемой им культуры. В этом смысле на вопрошающего-путешественника возложена важная миссия – быть наблюдателем в отношении прошлого, настоящего и будущего.

Такая перспектива всегда была мечтой знаменитых мыслителей, философов и писателей. Как писал И. Кант, «пространство и время, вместе взятые, суть чистые формы всякого чувственного созерцания». Чем не путешественник в духовность мира? Позволю себе предположить совершенно «безнадежную» мысль, исходя из всего вышесказанного: только философ может быть настоящим путешественником, перспективным в плане обмена видимостью друг друга; более того, только философский анализ позволит отличить иное от своего. Это и жертвенность особого религиозного характера, и дар, преподносимый каждым из нас в виде собственного варианта путешествия. В этом отношении культура есть рядоположенность своего и иного как данность, отмеченная ценностным аспектом. Статусность путешественника определена также ответственностью за то, «как» и «что» видеть. Как, например, воссоздано время в руинах «Рейхстага», или как оно же разрушено в обломках «Берлинской стены». Примеров такому замысловатому овладению временем в культуре очень много. Культурный пласт, выраженный в человеческом стремлении обременить время собой, зафиксировать в его хранилище то, что можно увековечить. Сам факт такого явления, как «достопримечательность», удерживающая в своем смысловом поле время и пространство, локализует также и варианты значений, которые необходимо сохранить или преобразовать. Так, полностью разрушенные храмы во время идеологического становления советской власти и современное возрождение духа того пространства путем их строительства заново, демонстрируют этот аспект феноменальности-жертвенности «достопримечательностей» в культуре, своего рода дань собственным «грехам в видении», сюрпризы собственного сознания.

Достаточно интересным феноменом современного человека становится литературный рассказ (сказанность себя) – не столько проникновение в образы другой страны, сколько постижение символического пространства другой культуры путем овладения смыслами, затерянными в тайниках мысли человеческой, проникновение и постижение пространства иной страны через сюжетный ряд, сценарии представлений и восприятия. Нет единого формата восприятия, как бы велики ни были предположения современных психологов об основах восприятия.

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» описал концепт встречи-прощания, который для пространства России является наиболее ярким и эмоционально насыщенным. Каждый участник такой встречи-прощания в России «смакует» глубину своего эмоционального чувства. Ле Корбюзье («Путешествие на Восток») и Ги де Мопассан («Путешествие по Южной Африке») как посетители

«музея» планеты Земля – видят, наблюдают, но встречи в аспекте русского духовного участия там нет. В этом смысле размышления М. Элиаде о вечном возвращении ближе русскому самосознанию, чем какому-либо другому. Родовой язык лишен национальности, совершенный язык актуализируется в предложенности встречи человека с бытием.

В юридической практике есть такая доктрина, именуемая «adversepossession», согласно которой «если я достаточно долго незаконно хожу по вашей земле, я приобретаю право ходить по вашей земле». Право и мораль устойчиво производны в человеческом обществе.

Путь, который выбирает современный человек, которым он идет и проживает свой день, каждое новое мгновение – это путешествие внутрь глубин собственного сознания. Отсюда такие невероятные для иных эпох произношения смыслов: «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» Еко Тавада.

По Грофу, наша психика устроена так, что, входя в разные состояния, которые являются своего рода стоянками, устойчивыми местами в топологии развивающегося сознания, мы можем передвигаться в них без усилий и комфортно. «Каждое такое состояние связано с раскрывающимися в нем виденьем и знанием». Вера в преемственность усилий поколений сохранять стоянки такого рода – вековое литературное наследие, сохранность которого есть лишь факт и историческая необходимость. Но вот умение стоянки развивающегося сознания воспроизводиться из века в век – это достопримечательность для каждой уникальной культурной матрицы. Своего рода остов культуры и человеческого в обществе бесправия уникальности.

«Духовность является решающим и основополагающим неотъемлемым свойством человеческой психики и мироустройства». Станислав Гроф, обратив внимание на этот момент, поставил тем самым вопрос о необходимости пересмотра всех редукций в отношении сознания. Тогда феноменальность сознания позволит обнаружить не только индивидуальные, но и архетипические корни.

Ряд вопросов поможет нам продемонстрировать всю палитру мнений по этому поводу. Каковы характеристики современного сознания? Является ли сознание многовековым феноменом?

Век индустриальных революций и век технократии схожи режимом «рационального рабства». Отказ же от рациональности позитивен лишь в момент морального обоснования человеческой нищеты чувственного настоящего. Век разума лишь сделал сознание предметом для изучения. Все остальные вековые конструкции – образы феноменальной явленности, доступной для человеческого понимания.

Какой самый важный шаг был сделан человеком для понимания себя как такового? Противопоставление себя миру или природе? Демонстрация собственной мощи (власть разума или чувства) или безразличия к границам собственного познания?

Сознание удивляет не столько фактом своего существования, сколько принципом, заложенным в его основе. И этот принцип неуловим в причинно-следственных связях, объясняющих сознательный императив.

Итак, моделирование ситуации «видимое для видящего» даже в сложных системах сопряжено с редукцией к внешнему/внутреннему, объекту/субъекту.

«Тело каждого человека цельно, душа – нет», – писал Герман Гессе в «Степном волке». Обнаруживая двойственность, человек впадает в иллюзию, множественность сводит его с ума, единство – ограничивает.

Тональность Ницше, подхваченная Гессе, обнаруживает себя во множестве высказываний современных авторов. Назову таких исследователей, как Марк Седжвик, Фрэнсис Йейтс, Александр Дугин. Ежедневный поиск самого себя и сокровенный призыв к Богу в конечном итоге придают особый статус традиционализму.

Внеконфессиональная религиозность современного мира – уже состоявшийся факт. Как предмет изучения со стороны научного сообщества, такая религиозность еще требует осознания. Эволюция религии, смена убеждений человека составляют этапы его жизненного пути.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М. : Мысль, 1990.
2. Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
3. Гроф Ст. Психология будущего. – М., 2008.
4. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта: исследование. – М., 2006.
5. Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. – М., 2004.
6. Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. – М., 2010.
7. Луков В. А. Будущее молодежи в обществе будущего // Человек. – 2012. – № 4.
8. Пивоваров Д. В. Религия // Современный философский словарь / под общ. ред. д.ф.н. В. Е. Кемерова. – М. : Панпринт, 1998.
9. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М. : Аспект Пресс, 2008.
10. Розеншток-Хюсси Ш. Великие революции (Автобиография западного человека). – М., 2002.
11. Фишман Л. Постмодернистская ловушка: туда и обратно. – Екатеринбург, 2004.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М., 2002.
13. Эгильский Е. Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. – М. : КНОРУС, 2011.
14. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – Т. IV. – М. : Наука, 1967.